

КАЖДОЕ время имеет своих героев, и, отыскивая, запечатляя, объясняя их, искусство оставляет нам драгоценные художественные свидетельства эпохи.

Не знаю, может быть, детские впечатления наиболее стойки или здесь какая-то другая причина, но, когда я думаю о том, как дела и дни страны выражались в работах мастеров экрана, на память прежде всего приходят лучшие ленты 30-х годов; молодые актеры, в них снывшиеся и сразу ставшие всенародно известными. Пусть многое в лентах этих кажется сегодня наивным и устарелым, но в каждом, кто видел их, остались жить атмосфера, воздух времени, и герои Макаровой и Кузьминой, Андреева и Чиркова, Боголюбова и Бабочкина по сей день вспоминаются, как живые, реальные люди. И герои Петеа Алейникова, Марка Бернеса, совсем недавно ушедших на таком высоком творческом взлете... И герои Жеймо, Массохи, Крылова, Ивана Кузнецова — актеров, которых сегодняшний молодой зритель знает меньше, но пересмотрите «Большую жизнь», «Подруг», «На границе», «Комсомольск», «Семеро смелых», и вы убедитесь, сколь многое в вашем духовном мире по-прежнему связано с этими именами.

По-разному складывались судьбы артистов. Кто-то исчерпал себя первыми удачами, к кому-то приходили новые, не менее блистательные. Иные продолжали работать плодотворно и много, но все же не сделали всего, что могли бы сделать, на что были способны. Какие нравственные, художественные законы влияли на эти актерские судьбы? Что такое — нравственная позиция, нравственное чувство актера? Что понимать под его гражданской творческой принципиальностью?

С этими проблемами и вопросами я пришел к Олегу Петровичу Жакову, одному из интереснейших в «поколении 30-х», актеру, которого давно и верно люблю. Пришел, поздравил с присвоением звания народного артиста СССР (для меня такое признание его кинематографических заслуг — в самом деле личная радость) и тут же сказал, что, в общем-то, визит мой ни в какой мере не носит скоропалительно-поздравительного характера, что думал я об этом визите давно.

О. Жаков: Знаете, юбилейно-парадные интервью я сам терпеть не могу. Хотя, разумеется, рад званию, и поздравления принимать приятно. Что же касается вопросов, проблем, которые вы поставили, то они очень существенны, актуальны, но и обширны, и многогранны чрезвычайно, вряд ли мы с вами обсудим их хоть сколько-нибудь всесторонне...

Почему одни мои кинематографические сверстники в зените заслуженной славы, а другие полубыты, хотя начинали не хуже первых и надежды подавали не меньшие? Прежде всего меру таланта редко удается установить сразу, для этого нужны годы, а торопливые, пусть и эмоциональные, искренние оценки часто бывают ошибочны. Но, разумеется, не только в таланте дело...

Корреспондент: Наверное, нужно говорить об умении сохранить себя, сберечь в себе живую душу художника, не разбазарить, не разменять на мелочь отпущенного природой дара? То есть именно о принципиальности актера.

О. Жаков: Очень, конечно, соблазнительно было бы установить здесь прямые зависимости, прямые связи с творческими итогами, но от этого, мне кажется, следует остерегаться. То есть связи, конечно, существуют, но они гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

С нравственной позицией, к примеру, писателя все обстоит яснее, актерское же творчество по природе своей вторично. Едва приступая к делу, актер уже крутом зависим (я имею в

виду творческую, профессиональную зависимость) — от сценарного материала, режиссера, оператора, художника. Предположим, вам дали роль, а вы считаете ее неинтересной, фальшивой и отказываетесь, стремясь сохранить в себе живую душу художника. Отказываетесь раз, другой, третий, не играете в ожидании своего часа. И вот час настает, вы получаете тот материал, о котором мечтали, работаете с увлечением... И в какой-то момент обнаруживаете (хорошо еще, если сам, если не вынуждаете других к тягостным объяснениям) — обнаруживаете, что не в силах этот материал одолеть. Почему? Был простой, нерабочий месяц, а то и годы — и вы попросту дисквалифицировались. Ведь актерское дело требует постоянного тренажа.

Возьмем иной вариант. Опасаясь потери квалификации, простой, артист берется за откровенно слабые роли в откровенно слабых сценариях. Получается, понятное дело, малоинтересно. Снимается актер много, но в сущности бесполезно, и физиономия его в конце концов смертельно надоедает и режиссерам, и зрителям.

Корреспондент: Такой «мелькающий» актер действительно

зодическая роль стоит главных, и я люблю сниматься в таких эпизодах), так вот, когда нет больших ролей, берусь за маленькие, которые, при всей своей скромности, не противоречили бы моим представлениям о жизни, об искусстве, моим симпатиям и антипатиям. Берусь за работу, которой я не смогу сказать много, но скажу честно то, что думаю. Это помогает сохранять форму и встречать внутренне подготовленным те нечастые роли, ради которых, собственно, и стоит заниматься актерским делом.

Корреспондент: Так, наверное, это и есть одно из проявлений актерской принципиальности, нравственной позиции?

О. Жаков: Не знаю... Профессиональное чутье, если хотите... И вот еще что: очень важно уметь отказаться и от интересной работы, если она не твоя. Я вот сыграл почти семьдесят ролей, и, представьте, ни одной комедийной.

Корреспондент: Олег Петрович, а вот если попробовали бы, и вдруг...

О. Жаков: В искусстве «вдруг» просто так не бывает. Всякое «вдруг» имеет свою внутреннюю логику, надо стараться улавливать, понимать ее. Творческое дерзание прекрас-

Мне захотелось сыграть такого человека. Допустим, желание это возникло не только у меня, характер заинтересовал нескольких актеров, и они ищут к нему подступы. В любом случае герой вызовет осуждение, но разные художники вложат в это осуждение разные мысли, разные наблюдения и интонации, в их работах будет присутствовать разный душевный настрой, разная степень категоричности: один, скажем, вынесет безапелляционный приговор, другие станут искать «смягчающие обстоятельства». В результате герой, воплощенный, к примеру, мною, будет очень отличаться от того, что на этом же материале сделает мой коллега.

То есть неповторимость героя, литературного персонажа как бы накладывается на неповторимость его создателя — артиста, и в результате возникает нечто третье — только так, по-моему, и может родиться истинно художественное произведение. Здесь и проявляется индивидуальность художника. Во всяком случае это одно из существеннейших ее проявлений.

Корреспондент: Олег Петрович, а какие актеры наиболее близки вам лично?

НАШИ ДИАЛОГИ

АРТИСТ, ГОДЫ И РОЛИ

производит тягостное впечатление. Вообще, сталкиваясь с фильмами серыми, сработанными на живую нитку, мы обычно вниманием сценаристов, режиссеров, а про актеров высказываемся в том смысле, что они были поставлены в трудное положение, старались, но не смогли преодолеть и т. д. Но ведь нередко приходится видеть, как, участвуя в проходной, второстепенной ленте, артист заведомо воздерживается от душевных затрат, работает наскоро. Доля моральной ответственности за художественный брак ложится в этом случае и на его плечи.

О. Жаков: В общем-то, верно, но не судите слишком категорично и строго. Поверьте моему опыту: сознательно халтурящий артист — явление редчайшее. Обычно мы выкладываемся в любой роли, стараемся сделать максимум возможного, это почти даже бессознательно, это в актерской натуре, в самой актерской сути... И все равно они жестоко мстят за себя, нелюбимые, напрасно взятые роли. Мстят внутренним осуждением, невосполнимой утратой душевного запаса.

Как избежать крайностей, благополучно обойти все рифы? Затрудняюсь дать какой-либо однозначный ответ. Артист — профессия безжалостная, здесь почти нет правил, скорее — один исключений.

Корреспондент: Олег Петрович, я видел очень незначительные фильмы с вашим участием, знаю роли, которые к числу серьезных ваших достижений не отнесешь. Но ни одной пустой, вовсе лишенной внутреннего содержания роли не знаю — это могу утверждать определенно. Ни единого раза не ощутил душевной фальши. Никогда не закрадывалась мысль, что вы говорите своей работой то, чего говорить не хотели, во что не верите, к чему равнодушны. И это рождает проходные роли артиста Жакова с самыми крупными его победами. Так я думаю.

О. Жаков: Не мне судить о точности ваших наблюдений. Могу сказать только, что намерения мои, направленность усилий вы во всяком случае ощутили верно. Когда нет больших ролей (не по объему, по духовному масштабу, иная эпи-

но, однако не следует путать его с творческим авантюризмом. Артисту, независимо от меры отпущенного ему дарования, надо работать на пределе своих возможностей, но при этом хорошо знать, где находится этот предел. Комедия — не мое дело, а вот о том, что любви к женщине, влюбленности по-настоящему ни разу не довелось сыграть, — об этом очень жалею. Это я, наверное, смог бы. Вообще в пределах своих возможностей, духовных и профессиональных, на своей, так сказать, территории артисту просто необходимо быть максимально разнообразным. На свете нет двух одинаковых людей, значит, и у актера не должно быть одинаковых работ. Повторяемость здесь означает фальшь, отступление от правды жизни.

Корреспондент: Если во всякой новой роли артист будет решительно, диаметрально другим, — не снисценивает ли это его как личность, художественную, человеческую индивидуальность, без выявления которой, мне думается, современное искусство немислимо?

О. Жаков: Личность артиста присутствует прежде всего в его отношении к изображаемому. Собственно, это и есть основная сфера проявления той самой гражданской, нравственной позиции, нравственного чувства, о которых мы в сегодняшнем разговоре уже не раз упоминали. Однако актерское отношение — вовсе не такое простое, понятное дело, каким его иногда представляют.

Недавно я прочитал очерк, в котором рассказывалось о человеке, быть может, и неплохом, но страдающем душевной нравственной глухотой. Он совершал поступки, которые корбили окружающих, причиняли им боль своей нечуткостью и явной бестактностью. Сам же герой очерка совершенно искренне не испытывал ни угрызений совести, ни даже неловкости, ибо не совершал ничего противозаконного. Неписанных законов душевного общения, которые в каждом конкретном случае диктуют тот или иной характер поведения, он не то что не признавал, а просто не чувствовал. И не сомневался, что живет чисто, честно, по справедливости.

О. Жаков. Трудно сказать... Многие... Николая Симонова очень люблю.

Корреспондент: Но ведь как художественная индивидуальность он едва ли не ваш антипод. Ваша актерская манера — сдержанность, предельная скупость внешних выразительных средств при максимальной внутренней наполненности. Манера, которая считается современной, сделала популярными многих сегодняшних молодых актеров и которой вы в совершенстве владели еще в 30-е годы. А Николай Симонов — артист открытой эмоциональности, заразительного темперамента, кипящих страстей...

О. Жаков: Может быть, потому и люблю. Люблю за то, чего нет во мне самом. Любить в других то, чем силен сам, — это, наверное, все-таки означает любить себя в первую очередь, а такое увлечение для художника не слишком плодотворно.

Я сказал о Симонове, других имен называть не буду, чтобы не составлять перечней, но как же богаты вы уникальными актерскими дарованиями! Не все до конца раскрываются, да, не все, и тому много причин, некоторые здесь назывались. Под конец хочу еще раз повторить то, о чем уже неоднократно говорили мои товарищи: у нас есть артисты, для которых надо писать сценарии специально, сообразуясь с их индивидуальностями, возможностями и особенностями. Вы представляете, как это поможет им реализовать себя! Немногим улыбнулось счастье получить такую роль, хотя бы под старость... Необходимость быть бережными, зоркими, чуткими к художественным талантам — вот вам еще один нравственный аспект актерской проблемы.

Время было позднее, и Олег Петрович дал понять, что ему пора отдыхать. Завтра с утра — ответственная съемка в фильме «У озера», который ставит по своему сценарию давний друг и единомышленник Сергей Герасимов. Одну из главных ролей он написал специально для Олега Жакова. Более оптимистический финал для нашей беседы было трудно придумать...

К. ЩЕРБАКОВ.